

УДК 821.161.1-343.4

**А. С. ПУШКИН И Н. И. ТРЯПКИН О ЛУКОМОРЬЕ, ОСТРОВЕ
БУЯНЕ, ЧЕРНОМОРЕ И ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ**

Т. Н. Хриптулова

Тверской государственной университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

В лирике Н. И. Тряпкина русская сказочная традиция представлена разнообразными сказочными типами и образами, о чем свидетельствуют многочисленные примеры его стихотворений. Поэт не только погружался в стихию народной культуры, которая питала его творчество, но и усваивал литературный опыт русских поэтов XIX вв., в частности традиции литературной сказки А. С. Пушкина.

Ключевые слова: *сказка, сказочные традиции, миф, А. С. Пушкин, Н. И. Тряпкин*

Поэзия Н. И. Тряпкина представляет собой сложный и оригинальный сплав традиций русской и мировой литературы. В первую очередь исследователи видели в поэте продолжателя русской классической поэзии XIX–XX вв. Но был еще один, не менее важный для Тряпкина источник его поэтического вдохновения – русское народное творчество. Народно-поэтическая культура специфично преломилась в лирике поэта, воспринимаясь не только в «чистом виде», но и через литературную традицию, прежде всего через творчество А. С. Пушкина.

Культурные пласты сказочно-мифологической образности Пушкина оказали бесспорное воздействие на поэтику Тряпкина, что не раз отмечалось исследователями лирики поэта. «Свои стихи Николай Иванович нередко называл песенками. Это одно из его особенных слов. В этом не самоуничтожение, не прибеднение какое-то, а близкое пушкинскому «сказка ложь, да в ней намёк...», – пишет Г. В. Иванов [1, с. 51]. Д. Псурцев, говоря о Н. И. Тряпкине как о национальном поэте, считает, что в истории наций нет ничего более устойчивого, чем миф. Русский миф предстаёт в русском искусстве, в частности, в произведениях и Пушкина, и Тряпкина [6, с. 132]. Представляется необходимым более детально рассмотреть через опыт А. С. Пушкина углубление Н. И. Тряпкина в сказочную традицию. И важнейший вывод здесь можно сделать с помощью выявления сказочных (ключевых, повторяющихся) мотивов и образов («приёма, который в своё время декларировала А. А. Ахматова, прошедшая «суровую школу пушкинистики» [4, с. 108]). Одним из предметов своих «пушкинских штудий» Тряпкин избрал «Сказку о золотом петушке. В «Притче об Ваньке-однолишнике» (1968) поэт обращается к образу золотого петушка («А домишко да под весь корешок // Подклевал золотой петушок»).

В западном и русском фольклоре петух – это и привычный страж, и боец. «Образ волшебной птицы вообще многоролевой: от мифологических

сирен античности, через ритуального павлина крестовых походов – к синей птице счастья нового времени – таков масштаб этого образа» [10, с. 97]. У А. С. Пушкина эта птица еще и осуществляет возмездие–убивает коварного царя Дадона: «Петушок спорхнул со спицы, // К колеснице полетел // И царю на темя сел, // Встрепенулся, клонул в темя // И взвился... и в то же время // С колесницы пал Дадон – // Охнул раз, – и умер он» [7, с. 670].

Стихотворение Тряпкина – сюжетное. В нем автор рисует эпизод из истории становления колхозной деревни, создает сатирический образ «строителя» социалистических «первоначал»: «Все сумею. Все смогу. Все найду...» // А тележка – на железном ходу <...> Что ни слово – то рублей на пятьсот, // А сынишка – погоди! – подрастет!.. // Ходит Ванька, да посвистывает, // Да делишки всем подыскивает. // Да все колышки постругивает. // Да жену свою поругивает» [14, с. 183].

Одним из средств стилистического своеобразия как конкретного литературного произведения, так и творчества писателя в целом является использование цвета. В устном народном творчестве золотой цвет обладает особой силой. Золото и его красочное сияние связаны с поклонением древних людей солнцу. Золотым предметам свойственно возгорание, светоизлучение. Золотому цвету придается значение символа царственности. Также золотой цвет выступает в значении фантастического, нечеловеческого могущества, волшебства. Эпитет *золотой* и у Пушкина, и у Тряпкина относится птице, способной либо помогать людям. У Пушкина золотой петушок готов выполнить роль сторожа («будет верный сторож мой») либо вершить суд над Додоном, наказывая за пороки. У Тряпкина читаем: «То ли год, то ли век, то ли два... // Где ты, Ванька, удала голова? // Запропал ты где-то там... Ой-ё-ёй! // Душу грешную господь упокой. // А домишко да под весь корешок // Подклевал *золотой петушок*. // За шумела, зацвела трын-трава... // Ой ты, Ванька, удала голова! // А сынишка – вот с такой бородой! – // Целый день сидит за кружкой пивной...» (здесь и далее выделено мной – Т. Х. [12, с. 195]). Так цветовая характеристика предмета, сложившаяся в глубокой древности, создает народно-цветовой колорит в творчестве поэта.

В стихотворениях «Сказ» (1947), «Хорошо, когда забродит холод» (1960), «Да с того ли с моря-окияна» (1966) Тряпкин пишет об острове Буяне, ассоциативно связанном со «Сказкой о царе Салтане» А. С. Пушкина. Корабельщики из «Сказки о царе Салтане» не раз держали путь из западных стран на восток «мимо острова Буяна // В царство славного Салтана» [7, с. 645]. Слово *Буян* происходит от *буяти*, *буять* – *буйно расти, разрастаться, набухать, буйно проявляться (буянить, бушевать, носиться по воздуху)*; ср. также *буйнеть* – *расти, подрастать, увеличиваться в росте*. Рост, развитие, жжение, горение в славянской мифологии соотносятся с понятиями *гора*, *холм*, *возвышенность* [9]. Необходимо обратить внимание на то, что Пушкин называет остров Буян *крутым*, Тряпкин качественной характеристики острова не дает. Остров – это модификация Мировой горы, символизирующей в мифах Вселенную. Семантика горы многозначна. Слова со значением *гора* в ряде европейских языков соотносятся со значением *смерть*, поэтому остров Буян (высокое место, гора) может пониматься также как образ другого мира, в частности, потустороннего. По поверьям потусторонний мир отличается

невиданным изобилием богатства. Вот почему в городе князя Гвидона двор усеян золотой скорлупой [7, с. 648]. В стихотворении Тряпкина «другой мир» олицетворяет северная земля: «Север, север! // С моря шла моряна, // А к морям – хвоя, хвоя, хвоя. // Может, вплоть до острова Буяна // Плавала посудина моя» [12, с. 196].

Значение *гора* соотносится также со значением *огонь, гореть* (в сказке Пушкина царь Салтан «сияет в злате», корабельщиков в царстве Гвидона встречают залпы пушек, тридцать три богатыря выходят из морской пучины «в чешуе, как жар горя»; у Тряпкина в стихотворении «Хорошо, когда забродит холод» лирический герой скучает у печки при огне, в стихотворении «Да с того ли с моря-окияна» образ «пламенного» сокола связан с миром природы, народной песней, историей и современностью:

И увидел сокол травы, травы,
Да ивняк, пожалуй, да кипрей.
И совсем насущные для славы
Поезда высоких скоростей...

И совсем культурные долины –
Тот пейзаж квадратно-гнездовой...
А земля – в таких духах малины,
Что сойдет любое, только пой! [12, с. 320]

На острове Буяне в произведениях русского фольклора помещается загадочный «бел-горюч камень Алатырь» [11]. У Тряпкина образ *камня-алатыря* упоминается в стихотворении «Ходит ветер в чистом поле» (1965): «Ходит ветер в чистом поле, // А за полем ходит гром. // А в том поле чья-то доля – // Белый камень под бугром. // Ой ты, камень под горою! // Ты совсем не алатырь» [14, с. 123].

Камень – тоже образ горы. Белый цвет камня ассоциируется с тем, что блестит, излучает свет (остров Буян в некоторых местностях известен как «белый остров», «золотой остров»). В свою очередь блеск, излучение света в конечном итоге соотносимо с огнем, пламенем. Не случайно белый камень Алатырь горюч. Так замыкается семантический круг: гора, камень (белый, блестящий, излучающий свет, горящий), душа, вечный покой:

И галопом скачет вихорь,
Закрывая белый свет...
Только холмик с облепихой,
Только пыльный горицвет ....

Ходит ветер в чистом поле,
А за полем ходит гром.
А в том поле чья-то доля –
Белый камень под бугром [14, с. 123].

В стихотворении Тряпкина «Сказ» в одном четверостишии соединяются два сказочных образа, являющиеся приметами «великой северной Руси»: «Ты же дуй и колдуй, ветер северный, // По Руси по великой, по северной. // Поплывем *Лукоморьями* пьяными // Да гульнем островами *Буянами*» [12, с. 59].

Лукоморье – буквально «изгиб (лука) морского берега». Изгиб, лука связаны с понятиями *бить*, *гнуть*, которые являются наиболее ранними в индоевропейских и других языках. В то же время «гнуть», «резать» – это одновременно и *создавать*, *творить*, *делать*. Таким образом, *лука моря* является символом творческого, деятельного начала, а само море (вода) выступает в качестве первоэлемента вселенной [9, с 17]. Как известно, в 1828 году во втором издании поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» появляется стихотворное введение, названное в научной литературе вступлением или прологом – «У лукоморья дуб зеленый...». Начинается описание пушкинского лукоморья довольно мрачно. Его центральным образом является лес, наполненный страшными силами: лешим, русалкой, неведомыми дорожками, таинственными зверями, Бабой Ягой и ее избушкой и т.д. – «негативными» персонажами, относящимися к потустороннему «нижнему» миру, миру темных сил, миру ночи. Этот мир довольно статичен (в нем движется, «бродит», только леший).

Следующая часть описания лукоморья Пушкина наполнена солнцем, динамизмом. Действие в нем разворачивается «у ясных волн моря», в небесах над морями и лесами. Появляется образ зари, наступает день, начинается движение, символизирующее победу над темными силами: пленение грозного царя, сражение богатыря и колдуна, появление витязей, готовых к сражению. Третья часть пушкинского лукоморья снова погружена во тьму (страдания царевны в темнице, появление «бурого» волка, окрас которого, по определению В. Даля, считается «искрасна черноватым», Бабы Яги и Кашея Бессмертного; это снова «низ», тьма и ночь), зеркально соотносима с первой частью (Леший – Кашей, звери – волк, избушка – Баба Яга, русалка – царевна). Таким образом, А. С. Пушкин воссоздает круговое движение времени (ночь – день – ночь; мрак – свет – мрак) [8, с. 140].

В стихотворении «Стихи о моем Лукоморье» Тряпкин повторяет пушкинскую структуру Лукоморья. Также мрачно начинается описание Лукоморья: его «начальные» грезы «затерялись во мгле», «смокли соловьи», жизнь угасла в «нахлынувшем снеге», сгорела «за Млечным кольцом»: «И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги, // И склоняется память над первым своим каганцом. // Ничего не видать...» [13, с. 64].

Вторая часть стихотворения Тряпкина так же, как и вторая часть пролога поэмы «Руслан и Людмила», наполнена светом, светлыми воспоминаниями «золотого» детства лирического героя: «раздвигается мрак», «светится сказочных брег Лукоморья» («Золотое блаженство! И все так навеки знакомо: // Завозились кутята, стрижи перекликнутся вдруг» [13, с. 64]). Третья часть стихотворения Тряпкина – это размышление лирического героя о прожитой жизни, осмысление ее итогов:

Пронеслась моя жизнь, угасая в нахлынувшем снеге.
(да и все пронесется, сгорая за Млечным кольцом!)
И стремится мой дух на свои прожитые ночлеги,
И склоняется память над первым своим каганцом.

Возвращаюсь туда – и брожу возле дедова дома,
Что давно уже – прах, да и прах-то развейн вокруг [13, с. 64].

По сути своей финал стихотворения отображает движение от молодости к старости, кольцевая композиция стихотворения отражает мысли автора о круговороте человеческой жизни во Времени.

Следует отметить, что важное значение при моделировании художественного мира, связанного с традицией русской народной сказки, имеют инициальные и финальные формулы. Интересна инициальная формула в стихотворении «Стихи о моем Лукоморье». Как отмечает И. Н. Кошелева в работе «Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте», об апелляции к сказочной прозе позволяет судить заглавие текста (трансформированная инициальная формула, характерная для жанра русской народной сказки). Также оценка параметров модели структуры текста позволяет выделить ключевое слово текста – Лукоморье. «Сказочный берег Лукоморья становится тем центром, обладающим максимальной структурной интенсивностью, в котором объективируются глубинная предпосылка анализируемого текста в частности и творчества Тряпкина в целом» [2, с. 146].

Небезынтересным представляется узнать, почему в пушкинском прологе вокруг дуба, в мировой культуре являющегося символом мирового дерева, ходит именно кот, кот-баюн, заводящий песни, говорящий сказки.

Кот ходит кругом по цепи – круговое движение. Кот ходит сложным образом. Сначала он идет «направо» и поет песнь. Это движение – по кругу слева направо, по часовой стрелке, движение вместе с солнцем. Иными словами кот идет как бы с течением времени, его движение соответствует естественной смене дня и ночи. Такому движению соответствует песня, рядом исследователей относимая к реалистическим жанрам [8, с. 139]. Потом кот идет «налево» и «говорит сказку». Движение справа налево по кругу, т.е. против часовой стрелки есть движение «против солнца». Кот, таким образом, движется в обратном направлении, т.е. противоположно течению времени – кот идет в прошлое. Это движение не соответствует естественной смене дня и ночи, и с ним соотносится сказка – произведение «нереальное», фантастичное.

Образ кота, «мурлыкающего ночные сказки», встречается в стихотворениях Тряпкина «Зимний вечер» (1945) («продолжает кот свои ночные сказки» [12, с. 34]), «Бабка» (1982) («Да к тому ж еще кот, // Без единой крупиночки прозы, // Между нами урчит // Про кошачьи свои старины» [14, 367]). В первом стихотворном тексте жизнь героев показана в двух временных хронотопах: в прошлом и настоящем, днем и ночью. Настоящее показано при помощи глаголов формы настоящего времени (героиня «разглядывает вновь конверт с военным штампом», сыну «поет письма заветные слова», «дремлет над колыбелькой»). Символами смены дня и ночи являются сон бабушки, ребенка, дремота его матери (полусон-полуреальность), ночные сказки кота, которые являются частью «счастливого» прошлого, семейной жизни довоенного времени. Во втором тексте кошачьи старины – символ детства, образ, подернутый «снежною мглою», «блаженными снами метели». Даже «глаза Судьбы, не скрывая лица» не разрушат «сказочный» образ деревни-детства, ставший таким потому, что давно превратился в воспоминание: «И уж если теперь // Мои песни хоть что-нибудь значат, // И уж если теперь я и сам // Хоть на что-то гожусь, – // Ах,

всему тому корень // Тогда еще, бабушка, начат – // Там, у нас на печи, // По которой и нынче томлюсь» [14, с. 367].

В 1961 году Тряпкин пишет стихотворение-монолог «Пробуждение», один из образов которого (Черномор) также отсылает нас к творчеству А. С. Пушкина. У Пушкина имя Черномора встречается дважды: в поэме «Руслан и Людмила», в которой Черномор – злой карлик, пришедший из волшебных рыцарских поэм Средневековья [10, с. 93], и в «Сказке о царе Салтане» (старый дядька Черномор, представитель «морского» иномира, выводит братьев царевны-лебеди, богатырей, готовых для надежной стражи, на берег). На первый взгляд, это имя имеет простую семантику: Черномор – обитатель Черного моря. Но карлик живет на севере, за горами. Разные герои имеют одинаковое имя. Так, возможно, Пушкин хотел показать две стороны человеческой природы.

В стихотворении Тряпкина Черномор так же, как и в сказке Пушкина, – представить водного иномира, только не морского, а болотного, с которого лирический герой срывает маску чудесного, обнажает «грязные корни коряг», «притоны вонючих лягушек», называя все владенья Черномора «ребячьим сном», «горьким дурманом», «миражом» [3, с. 306]. Разрыв с Черномором неотвратим и становится фактом нравственной жизни поэта [5, с. 63]:

Черномор, отступись! Не пыхти в меня горьким дурманом.

Я давно уж не верю ни в бога, ни в сон и ни в чох.

Знаю только одно: что ты куст в этом логове пьяном,

Под болотным туманом ушедший в языческий мох.

Чуть подул ветерок – и в закате дворцы поредели...

Черномор, примиришь и доверься великой судьбе:

Мы сыграем тебе на своей человечьей, свирели,

И услышишь ты песни, какие не снились тебе... [13, 233]

Итак, именно сказочный фольклор, его мотивы, сюжеты и идеи, имена и образы, язык и стиль явились той основой, на которой основывается и творчество А. С. Пушкина, и Н. И. Тряпкина.

Список литературы

1. Иванов, Г. В. «А я песенки пою...» [Текст] / Г. В. Иванов // Неизбывный Ветроград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. – М. ; Лотошино : НИЦ «Академика», 2010. – С. 50–56.
2. Кошелева, И. Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / И. Н. Кошелева : Алтайская гос. акад. образования. – Бийск, 2005. – 177 с.
3. Михайлов, А. Быль и сказка [Текст] / А. Михайлов // Молодая гвардия. – 1971. – № 8. – С. 304–310.
4. Николаева, С. Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина [Текст] / С. Ю. Николаева // Неизбывный Ветроград. Альманах Всероссийского фестиваля им. Н. Тряпкина. Вып. 1. – М. ; Лотошино : НИЦ «Академика», 2010. – С. 108–117.
5. Приходько, В. Лебеди и вертолет [Текст] / В. Приходько // Литературное обозрение. – 1977. – № 1. – С. 62–64.

6. Псурцев, Д. В. Время Тряпкина – будущее в прошедшем [Текст] / Д. В. Псурцев // Неизбывный Ветроград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. Вып. 1. – М. ; Лотошино : НИЦ «Академика», 2010. – С. 125–136.
7. Пушкин, А. С. Избранные сочинения [Текст] : в 2-х т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. литература, 1978. – Т. 1 : Стихотворения. Сказки. – 751 с.
8. Пчелов, Е. «У Лукоморья дуб зеленый...» [Текст] / Е. Пчелов // Народное образование. – 2009. – № 5. – С. 138–141.
9. Рогалев, А. Ф. Символика острова Буяна в «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина [Текст] / А. Ф. Рогалев // Литература в школе. – 2009. – № 2. – С. 16–18.
10. Сванидзе, А. «Сказка-ложь, да в ней намек...» [Текст] / А. Сванидзе // Знание – сила. – 2000. – № 11. – С. 92–101.
11. Трубе, Л. Л. Остров Буян [Текст] / Л. Л. Трубе // География в школе. – 1999. – № 4. – С. 26–28.
12. Тряпкин, Н. И. Избранное. Стихотворения [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Худож. литература, 1984. – 560 с.
13. Тряпкин, Н. И. Излуки. Стихотворения [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Молодая гвардия, 1987 – 160 с.
14. Тряпкин, Н. И. Стихотворения (1940–1982) [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Современник, 1983. – 383 с.

A. S. PUSHKIN AND N. I. TRAYPKIN ABOUT LUKHOMORYE, BUYAN ISLAND, CHERNOMORE AND THE GOLDEN COCKEREL

T. N. Khriptulova

Tver State University

The department of the philological bases of publishing and literature creativity

In Nickolay Tryapkin's lyric Russian fairy-tail tradition is shown as a diversity of different fairy-tail types and images. Poet plunged into the folk culture elements, which feed his creation, and assimilated the literature experience of the Russian poets of XIX century especially Aleksandr Pushkin.

Key words: *fairy-tail, fairy-tail traditions, myth, Aleksandr Pushkin, Nykolay Tryapkin*

Об авторах:

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: khriptulovatat@rambler.ru